

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Первый раз

Я представляю, что это произошло весной: в конце марта или в начале апреля. Только отцвели абрикосы, едва проклюнувшиеся листочки подернули легким восково поблескивающим налетом прихотливо раскинувшиеся ветви деревьев за окном. Утреннее солнце бодрым веселым светом заливало малометражную кухню. Был утренний чай. Воскресенье. «Утренняя почта» по телевизору звучала веселыми ритмами и рассыпалась на экране цветным шампанским.

Питу казалось все удивительно гармоничным и радостным. Весенний запах через форточку расстилался подвижной кисеей. Тонус поднимали пение пичуг и суета света. Шум воды в ванной бодрил и создавал ощущение предстоящих возможностей удачного дня. Чувство весны подкреплялось довольством умиротворенного самца, обеспечившего свой прайд обильной пищей и оберегающего его от поползновений конкурирующих самцов. Зарплату получил, холодильник забит, заботиться о завтрашнем дне нет нужды. Он сидел у стола в шортах, курил и пил чай. Жена уехала по делам, в ванной после сна умывалась восемнадцатилетняя падчерица.

Чаепитие было довольно напряженным. Сердце колотилось — он ожидал, пока Пат, так звали падчерицу, выйдет после умывания с припухшими губами, румянцем на щеках, свежая с прозрачными голубыми глазами. Он сидел попивая чай и, не видя, смотрел телевизор. Ноги его были чуть-чуть раздвинуты, одна пуговица гульфика — случайно (или намеренно?) расстегнута. Дело в том, что шорты носились на голое тело, и более того, на Пите ничего не было. Между ног было горячо, и выбритый член находился в состоянии полуготовности.

Вот, наконец, вода перестала шуметь, и дверь из ванной открылась. Светловолосая высокая Пат в халате и в пупырышках от холодной воды, словно крепкий соленый огурец, вошла на кухню. Она подошла к столу и налила себе чай. От отчима Пат отделял кухонный столик. Она взяла чашку с чаем и, стоя, начала его тихо прихлебывать. Напряжение Пита падчерица почувствовала сразу и с интересом стала поглядывать на него украдкой. Вся сущность Пита сосредоточилась в его постепенно твердеющем члене. Он ощущал как головка, постепенно перемещаясь в шортах, все ближе и ближе продвигается к веющему прохладой выходу из плена. Вот она нащупала проход, и ее синевато-розовая кожица показалась на свет божий. Член еще не совсем окреп, и кожа на головке была слегка морщинистой. Но с каждым мгновением кровь у Пита между ног пульсировала все сильнее, и вот — голова налилась, кожа ее еще больше посинела и стала глянцевой. Расстегнутый гульффик выпустил ее на волю. Изящное скульптурное произведение обнажилось почти полностью — красивый персик с похотливой дырочкой в своем средоточии.

Пат перестала пить чай и с презрительной усмешкой внимательно стала наблюдать за развертывающимся представлением. Пит не знал, куда себя девать. В нем боролись чувство стыда, похоть и страх: неизвестно, что могла подумать падчерица. Нерешительность (и невозможность упрятать член назад в темницу стыда, ибо пришлось бы на глазах у Пат хлопотно заправлять его в шорты, а может быть потом еще и кончить от перевозбуждения и размазывать стекающую по ноге обильную сперму) побудила неловкого совратителя сделать вид, что он не замечает небрежности в своем туалете.

Пат начала разговор. Она спрашивала о чем-то по ходу телепередачи, и ему приходилось

отвечать. Правда, не всегда впопад и хрипловатым от напряжения голосом. Девчонка не унималась с некоторой издевкой в голосе и озорными искорками в глазах продолжала разговор. Пит, пытаясь прикрыть собой пробившееся естество, потянулся за чайником, чтобы долить чай в свой стакан. В этот момент Пат с застенчивым хохотком попросила его дать сигарету. Это было впервые, чтобы при родителях она закуривала, а тем более просила отчима самого дать ей сигарету. В простой ее просьбе прочитывался вызов. Пит понял это и, больше не скрываясь, встал и потянулся за пачкой сигарет, достал одну и протянул ее дочери. Член вырвался при этом на простор и с гордо поднятой «головой» уставился в пристальные голубые глаза наблюдавшей за ним девушки.

Пат впервые столь решительно, словно в омут с головой, бросалась в сексуальное приключение, тем более в столь рискованное. Она давно считала себя неполноценным человеком: все ее сверстницы уже были либо замужем, либо неоднократно (по крайней мере, с их слов) уже совершали «это». Пат же все еще оставалась девственницей и, хотя в душе была абсолютно раскрепощена, в реальности в решающих ситуациях вела себя скованно. Это ее бесило и заставляло чувствовать себя синим чулком. Может быть, это чувство и заставило Пат быть столь решительной в ситуации с отчимом. Видимость не оставляла места для риска. Казалось, все было под контролем: происходило все дома, неизвестность не грозила, всегда и, практически, без опасности можно было дать ход назад. Так просто было отдаться на волю чувств и похоти. Грудь ныла, губы увлажнились, внизу потекло по внутренней стороне бедер. Дыхание прерывалось, глаза уже невозможно было оторвать от напряженного впервые представшего во всей своей красе члена отчима. В душе поднялась буря.

Потянувшись за сигаретой, она как бы невзначай открыто взглянула на обнажившееся естество напряженного мужчины, а после этого — в глаза ему и вызывающе засмеялась, поняв, что отчим увидел ее взгляд и вынужден был понять, что раскрыт. Пат следила, как поступит ее визави, и когда он встал и потянулся за чайником долить себе чай, уже явно намеренно выставив на обозрение поблескивавший бритой кожей увенчанный сверкающей каплей желания член, она теперь в глаза ему нагло улыбнулась. Пит, заметив, опустил взгляд, и оставив чайник, прерывающимся голосом покорно попросил у Пат разрешения поцеловать ее ноги. Девушке приятно было ощущать свою полную власть над крепким здоровым мужчиной, который, к тому же, еще не так давно ставил ее в угол и отвешивал подзатыльники за беспорядок на столе или за невыученные уроки. Она разрешила, сказав: «Ну что ж, поцелуй».

Удивительно было видеть большого неловко поворачивающегося в маленькой кухне коленопреклоненного отчима, наклоняющегося и страстно целующего пальчики небольших и красивых стоп зардевшейся Пат. Удивительно и возбуждающе радостно ей. Каждый пальчик девушки, словно фарфоровая безделушка, поражал точностью форм и вызывал неодолимое желание восхищаться им, боготворить его и целовать, целовать, целовать! Она наблюдала это, изящно склонив голову и тихо улыбаясь. От этих поцелуев кровь горячими толчками забила вниз живота. Мурашки пошли по обнаженному под халатом телу. Согнутая в глубоком поклоне спина и выпирающие ягодицы, мягкие прикосновения губ к ногам порождали неведомое до этого самоощущение всемогущества и полной власти над человеком, ощущение врожденной власти, власти естества.

Наконец, Пит поднял голову и прерывающимся, замирающим голосом спросил: может ли он поцеловать падчерицу в губы. На что получил снисходительное разрешение и торопливо

поднялся с колен. Он потянулся к полным нежно-розовым и удивительно мягким губам юной партнерши и, наконец, утонул в глубоком и долгом поцелуе. Она целовалась страстно и умело, инстинктивно пробуждая в себе женщину. Ситуация пьянила — и Пат улетела в какие-то неведомые пространства: все было как бы здесь и, в то же самое время, — где-то далеко, как будто в кино или в книге. Мужчина становился ее собственностью и инструментом — он был в ее полной власти, он был готов терпеть ее капризы и выходки, он становился вещью. Пока что это ощущение не было оформлено какими-то законченными мыслями или соображениями. Но чувство возникло и росло.

Пит оторвался от губ девушки и стал суетливо расстегивать халат. Обнажилось стройное почти прозрачное тело, точеные грудки, ни разу не тронутые мужскими пальцами... И средоточие женственности у основания плоского твердого живота, завуалированное легкой порослью светлых волос. Припухшие губы сочились влагой, и слегка разойдясь, выпускали на свет розово блестящие внутренние губки и напряженный маленький клитор. Бросалось в глаза — девчонка в ванной не зря проводила время и успела довести себя до чувствительного градуса возбуждения. Пит начал ласкать твердые упругие грудки падчерицы. Она задышала еще чаще и рука его потянулась вниз, пальцы раздвинули влажную жаркую похоть девушки и начали ласкать уже возбужденное влагалище. Пальцы проникали все глубже и глубже — таз начал движения навстречу — и вот (вот!) во что-то уперлись: легкая чуть заметная пленка преградила путь.

Он знал, он был уверен, но лишнее подтверждение лишь укрепило в нем гордое чувство первопроходца и возбудило нахлынувшую отцовскую нежность («Надо же!»), сладостно защемило в сердце. Захотелось припасть губами к этому нежнейшему лону и осторожно нежно и ласково довести девочку до оргазма. Губы заскользили вниз, губы припали к источнику, язык вошел в недра и страстно заработал, проникая во влагалище, подлизывая клитор. Пат охнула, осела, раздвинув ноги и опершись спиной на стену — раскрылась навстречу неожиданным ласкам.

Когда-то она читала про это, но никогда не думала, что когда-нибудь сама испытает прелесть отсоса. Это было очень приятно. Волшебство ощущений захватило девушку. Широко раскрытый рот и распирающая его твердость набухшего члена и головки, распирающей гортань и настойчиво продвигающейся глубже, глубже! О! Это было восхитительно и так возбуждало. У Пат уже все горело внизу, приятное напряжение внизу живота нарастало. Приятный запах волос на лобке партнера ощущался все явственнее — головка члена двигалась в гортле, порождая впечатление полной раскрытости и беспредельной отдачи. Вдруг внизу потекло, и мышцы сладко сократились — пришел первый и, наверное, самый сладкий (от неожиданности) оргазм. Во рту стало свободнее. Как это произошло, Пат даже не заметила. Отчим же обмяк, словно перезревший банан. Острота испытанных ощущений потрясла его. Никогда так долго и так обильно он не извергался. Мягкие нежные губы девушки, обнимавшие его член и до того безжалостно растянутые, с мягким звуком освободили поникшую голову и оросились последней порцией спермы, соскользнувшей и потянувшейся длинной каплей на стройную, трепещущую, напряженную грудь. Глаза полуприкрыты, губы слегка раздвинутые («Вставь в умело раздвинутую»). Нежная длинная шея ритмично сокращается, принимая сперму после оральной «дефлорации».

Все это восхищало и вздувало чувство пьянящей гордости. Пит был удовлетворен. Девушка чувствовала подъем, распирающую радость и некоторое замирание, томление неизвестности

где-то в глубине себя, как будто она летела высоко, высоко и от этого быстрого неостановимого полета захватывало дыхание. Все ведь было впервые — и так здорово! Получить оргазм, оставшись девственницей. Такое наверное было не у многих. Жаль только целку не порвал папашка! Хотелось бы! Ну да ладно. Пойди подмойся.

Через пять минут Пит и эта «хитрющая девчонка» были в порядке. А еще через полчаса отчим уже высаживал ее из машины возле университета, где та училась. Она приоткрыла дверь и, взглянув с заднего сиденья в зеркало заднего вида на отчима неуверенно спросила: «Что же мы будем делать дальше?» — «Ну, ведь это не в последний раз?» — вопросом на вопрос ответил Пит. Девушка улыбнулась, вышла из машины и побежала учиться, легко и весело помахивая сумкой. Вокруг пели птицы.